

ПОСЛЕДНИЙ РОМАНТИК, КУМИР ПОКОЛЕНИЙ

Имя Олега Стриженова — кумира не одного поколения — давно стало символом героя-романтика. И не только на экране — по неповторимым образам в фильмах «Овод», «Капитанская дочка», «Сорок первый», «Белые ночи», «Северная повесть», «Пиковая дама», «Неподсуден»... Зрители 1960—1970-х помнят его порывистого, мятущегося Треплева в чеховской «Чайке» на сцене МХАТа в постановке Бориса Ливанова, барона Тузенбаха в «Трех сестрах», когда такая притягательная внешняя красота актера вдруг исчезала, прячась за нездоровой бледностью лица, круглыми стеклами маленьких очков, а открывалась душа героя — ранимая и страдающая. И конечно, не забыть его Незнамова в спектакле «Без вины виноватые», где Стриженов играл в паре с Аллой Тарасовой. Это был дуэт двух великих актеров. Как и на заре его кинематографического взлета, в фильме «Овод» с Николаем Симоновым — Монтанелли.

Придя в Московский художественный театр в начале 60-х прошлого века, на гребне своей кинославы, Стриженов — выходец совсем не мхатовской школы, а щукинец-

вахтанговец — был принят знаменитыми «стариками» легендарной сцены как равный. Борис Николаевич Ливанов, ставя «Чайку» именно на него, говорил: «У меня «Чайка» больше станет не она, а ты в роли Треплева». Так и вышло: герой Олега Стриженова стал средоточием спектакля, его магнетической силой и заставлял зрителя всецело сострадать этой трагической личности.

Двум братьям — Глебу и Олегу из семьи потомственных военных суждено было стать актерами. Старший, Борис, погиб в бою под Сталинградом. По признанию Олега Александровича, многие сыгранные роли кажутся ему биографическими. Говоруха-Отрок в «Сорок первом» напоминал ему отца, когда-то выпускника петербургской Николаевской кавалерийской школы. Играя в фильме «Неподсуден», он представлял брата Бориса, летчика военной эскадрильи. А хождение в комендантский час по московским крышам времен войны (проводив знакомую девушку, так скрывался от ночного патруля) послужило этюдом к учебному спектаклю «Ромео и Джульетта».

Каким бы мог быть Ромео Олега Стриженова на экране! Но никто из наших кинорежиссеров не взялся за трагедию Шекспира. Не сыграл замечательный мастер и предлагаемую ему роль (сохранились кинопробы) князя Андрея Болконского в «Войне и мире» Сергея Бондарчука. Кто знает, возможно, теперь, по прошествии лет, об этом все же сожалеет... Но тогда даже министру культуры СССР Екатерине Фурцевой не удалось уговорить его сниматься в грядущей киноэпопее.

«Несладкий», неудобный для многих характер артиста, живущего по законам истины и совести, зачастую

Олег Александрович Стриженов –
советский и российский актер театра и кино.
Народный артист СССР (1988)

совсем не соответствовал изменчивому успеху. Но Олег Стриженов никогда не предавал себя, не растрачивал Божий дар своего таланта по мелочам, ничем не омрачив созданный им в искусстве образ красивого человека чести, достоинства и благородства, к чему так устремлял и наши души.

Татьяна Маршкова

ПРЕДИСЛОВИЕ

Писать о самом себе довольно трудно и не совсем удобно — не все можно вынести на суд людей. Получается, что ты на исповеди. А исповедь — это тайна. Поэтому воспользуюсь некоторыми высказываниями обо мне постороннего человека — журналиста. Познакомьтесь с некоторыми выдержками из статьи Анатолия Байбекова «Джентльмен с голубыми глазами», опубликованной в петербургском журнале «Нева» за 1998 год.

«Актер мало играл современников и никогда не воплощал героя, потрясающего своей партийной совестью.

В Союзе он был самым деидеологизированным актером.

На «Ленфильме» Олега Александровича Стриженова называют истинно петербургским киноактером.

...Убивали его на экране часто. А вот от кино отлучили однажды и надолго. Отказался сниматься в престижной картине. Не подействовали уговоры самой Екатерины Фурцевой: отказался от роли Андрея Болконского. Характер у Стриженова очень нелегкий.

...Актер был представлен кинозрителями и в кандидаты на соискание Ленинской премии. Но это желание общественности оказалось из области фантазии. Нас

воспитывали на иных образах. И не дали Стриженову премию. Как ни странно, он вообще не лауреат... И это при его феноменальной популярности».

Одна небольшая неточность — у меня никогда не было голубых глаз. Эта легенда «голубоглазенького» тянется еще со времен фильма «Овод» и в особенности после выхода на экраны страны «Сорок первого». Глаза у меня зеленые.

Помимо звания «Народный артист СССР» есть еще кое-какие награды, и главная из них, которую я ценю более других, — медаль «За доблестный и самоотверженный труд в период Великой Отечественной войны».

Но что значат все награды и звания?.. Ведь на могильном памятнике их не перечислишь. Правда, в недалеком прошлом на надгробии даже писали, с какого года усопший состоял в членах Коммунистической партии. Зачем? Ведь перед Богом все равны. В стародавние времена говорили об умершем: «Раб Божий...» Лучшее надгробие, на мой взгляд, у прославленного русского полководца в соборе Александро-Невской лавры Петербурга, где на плите лишь три коротких слова: «Здесь лежит Суворов».

Но я отвлекся. Далее по тексту Анатолия Байбекова:

«...В то время он был звездой первой величины! Вообще-то его хождение по свету обширно. Словом, полмира он обошел, но остаться где-то там, за тремя морями, отказывался. А посулы и предложения были заманчивыми. Наверное, зря отказался?»

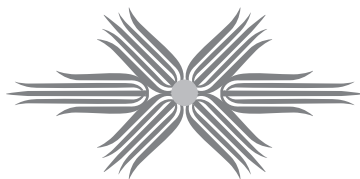
Ну, нет! Я — наш! По-другому и быть не могло! Я с самого детства помнил слова блистательного россий-

ского генерала А.А. Брусилова: «Считаю долгом каждого гражданина не бросать своего народа и жить с ним, чего бы это ни стоило. Скитаться же за границей в роли эмигранта не считал и не считаю для себя возможным и достойным».

Заканчивает Анатолий Байбеков статью обо мне словами:

«Нет теперь петербуржцев... Ну почти нет... Живет в Москве истинно петербургский киноактер — благородный джентльмен с голубыми глазами. Он — отец, дядя, дедушка; он — муж первой московской красавицы. Снимается редко. Пишет этюды, делает шаржи на коллег. Преемников в искусстве у него нет. Наверное, он последний из могикан?»

ДЕТСТВО

Я не знал своих ни дедушек, ни бабушек — третий сын в семье военного, кочевавшего в 1920-е годы по всей России. Мама всю жизнь была, как принято выражаться, домашней хозяйкой. Хотя получила блестящее образование в петербургской Мариинской гимназии при женском Институте императрицы Марии Федоровны с правом преподавания в начальных училищах и школах. Первые годы она учительствовала в Финляндии, тогда еще российской провинции, потом, кажется, в Петербурге. Но, после того, как она вышла замуж за выпускника известной петербургской Николаевской кавалерийской школы, ставшего красным командиром, ее спокойная жизнь кончилась. Вслед за мужем с моими старшими братьями Борисом и Глебом она оказывалась то в Персии, то в Туркестане, то на Дальнем Востоке — на самых окраинах России, где на границе не прекращались мятежи, разбои, конфликты.

Я появился на свет в 1929 году в городе Благовещенске на реке Амуре. Гражданская война давно кончилась, а отец все продолжал воевать. Теперь он гонялся, как тогда говорили, за бело-китайскими бандитами. Шли ожесточенные бои на КВЖД — Китайско-Восточной железной дороге, где он был командиром мангруп-

Родители Олега Стриженова:
Ксения Алексеевна и Александр Николаевич,
г. Спасск. 1927 г.

пы — маневрированной группы, то есть кавалерийского разведывательного отряда.

Благовещенска не помню — мы оттуда уехали, когда я только-только вышел из грудного возраста. Зато следующее место жительства — Тифлис тридцать третьего года — до сих пор перед глазами. В памяти остался пыльный базар, ослики, сидевшие повсюду нищие и множество фруктов. Конечно, у четырехлетнего мальчика в первую очередь запечатлелись в Тифлисе река и фуникулер, который поднимал нас на гору Святого Давида, и как отец купил Глебу и Борису по оловянному пугачу и они салютовали из них над обнесенной решеткой могилой Грибоедова.

Тифлисские дома потом напоминали мне одесские — со своими балконами, глядящими во внутренний дворик.

В тот год, помню, в Тифлисе было солнечное затмение, поэтому, если мне изменила память в цифрах, то этот редкий случай может точно указать дату нашего пребывания в Грузии. Борис тогда копил пластинку 9×12, которую

выпросил у отца (у него был «Фотокор»), и через нее мы наблюдали за солнцем во время затмения.

Но военная жизнь заставила уезжать и отсюда, нас увозил из города на вокзал открытый зеленый «форд», а следом бежала любимая дворовая собака, которая очень привязалась к нашей семье. Бежала, пока не выдохлась и не отстала. Я долго плакал из-за разлуки с собакой, но ничего поделать было нельзя — в семье военного не то что животное, мебель и ту с места на место не перевозили. Брали лишь чемоданы и сундуки с самым необходимым.

Недолго прожили в Петергофе и Ленинграде, откуда переехали в Харьков — тогдашнюю столицу Украины, где на окраине города в районе знаменитого Лесопарка находилась пограншкола имени Ворошилова. Отец уже носил ромб в зеленых петлицах и имел звание комбрига. Несмотря на высокий воинский пост, он не пострадал во время «чисток». Наверное, оттого, что, как и все в нашей семье, оставался беспартийным. Партия — это всегда подозрительно. Зачем собираетесь? О чем шушукаетесь? Вдруг что-то плохое про вождей? Значит, нужна чистка рядов. Сталин убирал, главным образом, партийных, а отец был вне этого, его главным и единственным делом оставалась военная работа, он был настоящим службистом в хорошем понимании этого слова, военным профессионалом. «Я был строевой кобылкой, — говорил он в старости. — Кому я был нужен? В чем меня подозревать?» И правда, отработал честно положенное, а если надо — и сверх положенного, а потом — жена, дети, опять те же кони, любимая собака. Собаки у нас были на протяжении всей моей жизни, чаще немецкие белые шпицы.

В Харькове мы жили в военном городке на краю города, где размещались и штаб, и клуб, и жилые помещения. Вокруг на огромной территории казармы пограншколы, полигоны, даже свои воинские бахчи.

Я обожал вольную детскую жизнь и большую часть времени проводил на армейских конюшнях, где отец иногда находил меня спящим на соломе возле лошадей. В пять лет меня впервые посадили на коня и покатали шагом, вскоре я уже уверенно скакал на лошади. Конечно, под прикрытием (вернее, под страховкой) отца или коновода.

Когда пограншколу расформировали, мы переехали в Москву. С шестилетнего возраста я оказался жителем Замоскворечья, этого тихого уголка города, где когда-то происходило действие многих пьес А.Н. Островского. В некоторых из них мне впоследствии предстояло играть: «Правда хорошо, а счастье лучше» (Платона Зыбкина), «Без вины виноватые» (Незнамова), «На всякого мудреца довольно простоты» (Глумова), «Последняя жертва» (Дульчина).

Поселили нас на улице Коровий вал, сплошь до революции застроенной двухэтажными жилыми домами и конюшнями для конки — конно-железной городской дороги. Здесь еще витал дух дореволюционной купеческой Москвы. Это был район сплошных голубятен, в переулках паслись гужевые лошади, привольно себя чувствовали куры и свиньи. Кажется, не о начале XX века, а о моем Коровьем вале середины 1930-х годов говорит дореволюционный путеводитель: «Длинные деревянные заборы, бесконечные сады, ворота на запоре, за воротами псы, деревянные дома на каменных фундаментах. Целый день, особенно в будни, ни проезжего, ни прохожего. Ворота заперты, окна закрыты, занавеси опущены». С одной лишь разницей — на улицах детвора. И далеко не интеллигентского круга.

И вот я вышел в первый раз из дома на прогулку во двор. В белых носочках, сандаликах, береточке, матросочке. Настоящий маменькин сыночек из буржуйской семьи. Местные мальчишки тотчас решили, как тогда говорили, «подкинуть пачек» новоселу «из гнилых интеллигентов». Но вот тут-то они и наткнулись хоть и на опрятного, но закаленного спартанским военным воспитанием паренька. Я уже знал, что, если к тебе подсту-

пают группой, — бей сразу главного, бей первым. Удалось сбить его с ног, другие затихли, зауважали барчука в матросочке. Разревелся я уже дома от злости: купите мне, как у всех, косоворотку, и ходить я теперь буду только босиком.

И все дальнейшее замоскворецкое детство прошло в сатиновых трусах и простенькой рубашонке, которые не мешали носиться по улицам, бежать купаться на Москву-реку и драться с мальчишками чужих дворов. Чаще — из-за голубей. А зимой — это всегда лыжи на Воробьевке и в Нескучном саду и обязательно коньки. И еще излюбленное занятие: на валенках — гаги, крюком ухватишься за грузовик, другие — друг за дружку, и вот по переулкам за машиной вьются колбасой пять-десять мальчишек с криками и свистом.

Как мы гоняли по льду в парке Горького вокруг знаменитой «Девушки с веслом»! Об этой скульптуре потом писали как об образце безвкусицы. Но мне и моим сверстникам «Девушка с веслом» памятна как знак нашего детства. Рядом, в знаменитом шестиграннике, — ресторан и танцплощадка. А ближе к набережной — тоже незабываемая и тоже снесенная позже парашютная вышка.

Жизнь в парке Горького не умирала и в годы войны. Здесь устроили в сорок втором году трофейную выставку сбитых немецких самолетов, искореженных танков и артиллерийских орудий. Позже на набережной поставили наши пушки, из которых впервые салютовали нашим победам в сорок третьем году. Вскоре салюты стали привычными в нашей жизни.

Сейчас мне более грустно, чем в войну. Конечно, возраст дает о себе знать. Но не только в этом дело. На-

род стал мрачнее и менее общительным. Оправдываются, что устают, жизнь бедная. Но мы, пацаны военного времени, и на работе уставали, и недоедали, а все равно не упускали случая покататься на коньках, повеселиться и даже поозоровать, мягко говоря.

Военная Москва — это не только траурные дни, но и праздники. Влюблялись, ходили на танцы в громадный по тем временам кинотеатр «Ударник», где в фойе выступали артисты и где мы слушали молодую певицу Капу Лазаренко. «Ударник» всегда был переполнен шестнадцатилетней молодежью, приезжающими в отпуск с фронта военными, командированными, московскими рабочими и служащими.

Сорок четвертый год. Весна. Танцы. Знаменитая и модная тогда «Линда». Потом кинофильм — то ли «Королевские пираты», то ли «Остров страданий». Последний сеанс закончился поздно, и я пошел провожать мою девочку Катю, жившую на Ордынке. Пока «напровожились», минула полночь — настал комендантский час. А мне идти аж от самого Балчуга!

Я знал по опыту, как избежать патрулей. Во-первых, надо быть начеку, чтобы вовремя услышать их шаги по пустынным мостовым. Во-вторых, нельзя идти по освещенным улицам.

Пробираюсь домой по темным переулкам. И вот почти у цели — во дворе кинотеатра «Авангард». Смотрю из-за угла... Калужская площадь освещена, и на перекрестке Житной улицы стоит военный патруль. Мне всего-то прошмыгнуть через освещенную полосу шириной десять-двадцать метров, там будет двор, который упирается в сарай, по крышам переберусь к своему дому. Мне там каждая досочка знакома.

Олег Стриженов с родителями. 1933 г.